

УДК 821.161.1 – 31

Ю.В. Коврига

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА НОМИНАЦИИ СМЕРТИ
В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»**

Л. Улицкая относится к числу наиболее заметных писателей в современной русской литературе. Ее произведения привлекают внимание знатоков и любителей хорошего чтения, они почти сразу же попали в поле зрения литературоведов. Исследователи обратились к изучению ее романов и малой прозы, в рецензиях немало сказано о тематике ее произведений. Но одна из проблем, которая по сей день остается, в сущности, вне поля зрения ученых, – танатология Л. Улицкой. Среди исследователей существуют различные точки зрения относительно аспекта смерти в ее творчестве.

Так Т. Новоселова, обращаясь к особенностям изображения смерти в романе «Медя и ее дети», полагает, что это мировоззренчески важный аспект, ведь «смерть проверяет человека». У Л. Улицкой «отношение к смерти уважительное» [12, с. 18], и ее смысл состоит в том, чтобы очистить душу героев.

Н. Кононова в статье «Предметный мир в рассказе Л. Улицкой “Счастливые”» справедливо отмечает, что смерть «представляется “пространством тишины” и “состоянием немоты и глухоты субъекта”». Но физическая смерть человека не означает смерти забвения. <...> физическая смерть не означает смерти духа, памяти» [9]. Анализируя рассказ, Н. Кононова выражает мысль, что, несмотря на физическую кончину, человек остается рядом с родными, он «жив в воспоминаниях» [9], чему способствует обильное описание предметного мира, некогда окружавшего умершего. Близкой позиции придерживается Г. Ермошина. В статье «Форма борьбы со временем – печальная попытка его уничтожения», материалом для которой был роман «Казус Кукоцкого», исследователь приходит к выводу о том, что «смерть тела становится

рождением обновленной души. Умирая в земной реальности, душа рождается для вечной жизни <...>» [6, с. 202].

Л. Куклин в статье «Казус Улицкой» писал, что «в ее творчестве наличествуют не очень радующая читателя особенность: всяческие беды, уродства, болезни и прочие несчастья, включая *нелепые смерти*, словно прилипают к ее ущербным персонажам (курсив мой – Ю.К.)» [10, с. 179]. Говоря иначе, рецензент полагает, что танатологические мотивы являются инструментом для создания образов ее прозы, а Г. Ермошина, напротив, отмечает, что смерть персонажа не является важным и примечательным событием для автора произведения, «становится бесстрастной констатацией, милицейским протоколом» [7, с. 210]. Исследователь приходит к выводу о том, что погибших героев романа никому не жаль, «читатель вслед за автором, воспринимает их только лишь как субъектов опыта» [7, с. 210].

В интервью Л. Улицкая не раз говорила о теме смерти в своих произведениях. Ее своеобразие писатель поясняла тем, что «Главная ценность жизни – это сама жизнь. А если акцент поставлен таким образом, тогда и смерть является важнейшим событием жизни. <...> С некоторой точки зрения, вся жизнь представляет собой подготовительный период к этому моменту. Но тут со мной смогут согласиться только те люди, которые, как и я, полагают, что за пределами земного существования есть иная реальность» [17]. Именно отголоски такой точки зрения обнаруживаются в анализируемом романе «Казус Кукоцкого». Улицкая пишет о смерти, потому что для нее важна жизнь: «И очень многим важно. А самое в этом важное – работа против страха смерти. Мы, живые, очень боимся смерти. <...> Это самый великий страх, который живет в человеке, но и его, как и все другие, человек должен осознать и проработать. Потому что, хоть и редко, но происходят такие прекрасные события, как смерть праведника. Праведник уходит без страха, оставляя после себя благодать и просветление на окружающих. Я наблюдала это не один раз» [17].

В нашей статье предпринимается попытка рассмотреть лексические средства номинации смерти в романе «Казус Кукоцкого», которые, на наш взгляд, дают возможность судить о некоторых осо-

бенностях танатологии Л. Улицкой. При анализе произведения нами были выделены лексико-семантические группы, формирующие лексико-семантическое поле «смерти»: 1. Юридические, медицинские, церковно-ритуальные: умереть, вдова, погиб, похороны, отпевание и пр.; 2. Глаголы с семантикой конца: исчезнуть, остановить, замолчать, закончить и пр.; 3. Лексемы с семантикой старости: старый (особняк), древнейшая (процедура), старомодный (язык); 4. Эпитеты, описывающие пространство смерти: темный, гнилой, холодный, сырой, неживой, мрачный, зловещий, ледяной; 5. Лексемы со сниженной эмоциональной окраской: помои, никчемный, нечистоты, чума, кошмар; 6. Лексемы с явно выраженной статической семантикой как воплощением мортальности: тормозить, повременить, обмереть, покой, застрял, окаменеть; 7. Лексемы, приставки которых раскрывают значения слова «смерть».

Конечно, при анализе следует иметь в виду различную семантику, возникающую при использовании этого слова. Это и доведение действия до естественного предела (помереть, построить, доходить); и смерть как удаление (выносить, отсчитать, стряхивать); смерть как нахождение по ту сторону (законы) и как направление действия через пространство (переступить, перелезти); смерть как лишение чего-либо (бессмысленная, бесстрашный, бесконечный). В тексте романа немало фразеологизмов, относящихся к пространству смерти: а) фразеологизмы, в состав которых входит номинация атрибутов смерти: любовь до гроба, вбить последний гвоздь в гроб, хоть в гроб клади; б) фразеологизмы с семантикой конца, завершения: в конечном счете, в конце концов с высокой частотностью употребления, замирать от; выбить из колеи; в) фразеологизмы, в состав которых входит слово «смерть» в разных его вариациях: на миру и смерть красна, смертельно обидеться, насмерть разругаться, влюбить до полусмерти и, наконец, г) фразеологизмы, имеющие в своем составе лексемы негативной коннотации: дохлое дело, черный ход.

Иногда в тексте произведений могут возникать так называемые «предвестники» (маркеры) смерти. Писатель, создавая звуковую или зрительную картину при описании какой-либо ситуации, способен

вызывать у читателей чувство тревоги и беспокойства за героев. Но не всякое описание может расцениваться, как «предвестник» смерти. Важно, чтобы в нем было наличие лексем с явно выраженными характеристиками мортальности (ЛСН приведенной выше классификации, пункты 1–6). Именно тогда они понимаются, как «маркеры» или «предвестники» смерти. Их функция в тексте – подготовить читателя, настроить его на определенный финал.

В тексте романа «Казус Кукоцкого» мы выявили подобные «маркеры», например, в двух таких эпизодах. 1) Речь идет о Елене и ее первом муже Антоне Ивановиче Флотове: «Они познакомились в *затененном*, незначительном месте... (курсив мой – Ю.К.)» Выбор автором романа эпитета «затененный», на наш взгляд, не случаен. Данная лексема несет в себе негативную коннотацию, ведь тень – это не символ радости, счастья и света, «тень не есть имитация жизни, это, скорее, явление другого вида существования» [3, с. 457]. Знакомство в таком месте как будто не предвещает ничего хорошего (затененное и незначительное), и автор акцентирует внимание на этом, используя соответствующую лексику. В дальнейшем повествовании Елена из похоронки узнает, что муж погиб на фронте: начало ее романа с Антоном Ивановичем соответствует финалу.

2) Описывая первую встречу Тани и Сергея, Л. Улицкая акцентирует внимание уже не на зрительных образах, а на звуках: «Потом раздался *трубный глас*. Он *прорезал* фортепьянное бормотание *драматичным* и *горьким* звуком <...> Какая это была *музыкальная* музыка, от нее было *сладко-больно*, *солонько-горько*, *печально-радостно*» (курсив мой – Ю.К.). В оксюморонах повествователь подчеркивает двойственный смысл происходящих событий: и сладко, и больно, и печально, и радостно. Словосочетание «трубный глас» восходит своими корнями к библейскому тексту: звук трубы в день страшного суда [16, с. 538]. Такой звук не предвещает ничего хорошего, он настораживает, вводит в состояние смятения и тревоги. Глагол «прорезал» в данном контексте имеет, на наш взгляд, негативное значение: нарушение целостности жизни Тани. Отныне она разделена на две половины: на «до» и «по-

сле». Как окажется впоследствии, этот раздел закончится весьма трагично, что можно проследить из логической цепочки: знакомство с Сергеем – ведение фривольного и беспорядочного способа жизни – инфицирование – отсутствие лечения – беременность, усугубившая болезнь – смерть.

Звук саксофона, который привлек внимание Тани («прорезал») и стал лейтмотивом их встречи, на имплицитном уровне ассоциируется с ножом. Нож – «инструмент для резания» [3, с. 655], а также «символ жертвы и атрибут библейского патриарха Авраама: с помощью ножа он пытался принести в жертву Господу своего сына Исаака» [15, с. 330]. В каком-то смысле Таня действительно стала жертвой этой встречи, возможно, не случись этого, жизнь героини сложилась бы по-другому и имела бы не такой трагичный финал. Кроме того, в описании самого звучания саксофона лексемы подобраны весьма показательно: драматичный, горький, мучительный, больно, горько, печально. Все, что предвещали звуки саксофона, сбылось: драма, боль, потери и горечь расставания. В описании звуковой палитры играющего саксофона очевидны «маркеры» смерти героини в расцвете лет.

Помимо рассмотренных выше эксплицитных языковых средств номинации пространства смерти, в тексте романа представлены и другие языковые средства, например, неопределенные местоимения: *какая-то*, *что-то*, *некоторый*, *несколько*, *каким-то*, *какого-то*, *когда-то*, *нечто*. Преобладание подобных лексем несет в себе имплицитный оттенок: повествователь подчеркивает неопределенность и неясность того, что находится за гранью земного бытия. При этом обратим внимание на то, что в тексте произведения не встречаются лексемы «навсегда», «насовсем», «вечный», что, на наш взгляд, свидетельствует об отрицании автором идеи абсолютной конечности человеческого бытия.

Языковые средства номинации пространства смерти в тексте романа представлены довольно широко и разнообразно. Предпринятая нами попытка установить особенности лексических средств номинации смерти – это один из этапов целостного изучения романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» сквозь призму танатологии. Неотъемлемой

частью такого анализа является также осмысление танатологических мотивов, в частности, мотива страха, мотива конца и пр. Это может стать темой дальнейших исследований.

Литература

1. Арязмова О.В. Об особенностях воплощения мотива «смерть» в творчестве Людмилы Улицкой / О.В. Арязмова // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. – Белгород, 2007. – С. 83-88.
2. Багичева В.В. Концепт «смерть» в творчестве Янки Дягилевой. Русская рок-поэзия: текст и контекст: [Сб. науч. тр.] / В.В. Багичева. – Тверь; Екатеринбург, 2007. – Вып. 9. – С.53-67.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – С.-П.: «НОРИНТ», 2000. – 1536 с.
4. Гармаш Л.В. Танатологические мотивы в симфонии А. Белого «Возврат» / Л.В. Гармаш // Наукові записки Харківського Національного педагогічного університету ім.Г.С.Сковороди. Серія: Літературознавство. – Вип.1 (3). – Харків: ППВ «Нове слово», 2011. – С.52- 62.
5. Джаквинта Р. В сених смерти : Лимб Л. Улицкой / Р. Джаквинта // XX век и русская литература : сб. науч. ст. – М. : РГГУ, 2002. – С. 267-281.
6. Ермошина Г. Форма борьбы со временем – печальная попытка его уничтожения / Г. Ермошина // Знамя. – 2000. - №12. – С. 201-203.
7. Ермошина Г. Биологический эксперимент / Г. Ермошина // Дружба народов. – 2004. – №4. – С. 209-212.
8. Ильина Ю.Н. Концептуализация смерти в северорусских похоронно-поминальных причитаниях (глаголы с общим значение «умереть») / Ю.Н. Ильина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Челябинск: ЧелГУ, 2007. – Вып.16 №20 (98). – С. 63-69.
9. Кононова Н. Предметный мир в рассказе Л. Улицкой «Счастливые» [Электронный ресурс] / Н. Кононова // International journal of Russian studies Issue № 1 (2012/2). Режим доступа: http://www.ijors.net/issue1_2_2012/articles/kononova.html.
10. Куклин Л. Казус Улицкой /Л. Куклин // Нева. – №7. – С. 177-183.
11. Лебедев В.Ю. О реконструкции семиотических полей «жизнь» и «смерть» при выявлении художественной идеи романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» / В.Ю. Лебедев // Антропоцентризм или антропофилия. – Киев; Кривой Рог; Москва, 1998. – С. 125.

12. Новоселова Т.А. Концепция судьбы в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети»: автореф. дисс.на соиск. уч. ст. канд. фил. наук: 10.01.01. «Русская литература» / Т.А. Новоселова. – Махачкала, 2012. – 27 с.

13. Семенова А.В. Начало и конец жизненного пути на материале кашубской фразеологии. Категории жизни и смерти в славянской культуре / А.В. Семенова // Славяноведение. – 2008. – №6. – С. 60-66.

14. Семикина Ю.Г. Художественная танатология в творчестве Л.Н. Толстого 1850-1880-х годов: образы и мотивы: автореф. дисс.на соиск. уч. ст. канд. фил. наук: 10.01.01. «Русская литература» // Ю.Г. Семикина. – Волгоград, 2002. – 27 с.

15. Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия / [автор и гл. редактор В.Л. Телицин]. – М.: Изд. «ЛОКИД – ПРЕСС; РИПОЛ классик», 2005. – 490 с.

16. Трубный глас // Фразеологический словарь русского языка / [авт. коллектив Федосов И.В., Лапицкий А.Н.]; под ред. И.В. Федосова. – М.: «ЮН-ВЕС». – 2003. – 608 с.

17. Улицкая Л.Е. Жизнь перед лицом смерти [Текст]. [Электронный ресурс] / Л.Е. Улицкая. Режим доступа:

<http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/ulitskaya/interview.html>.

Анотація

Ю.В. Коврига. Лексичні засоби номінації простору смерті в романі Л.Улицької «Казус Кукоцького».

Стаття присвячена аналізу лексичних засобів номінації простору смерті в романі Л. Улицької «Казус Кукоцького». Виділені дві категорії мовних засобів: експліцитні та імпліцитні. Для лексем першої категорії характерно явне, відкрито виражене називання простору смерті і всього, що з цим пов'язано. Дана категорія в контексті роману представлена у вигляді семи лексико-семантичних груп, що формують лексико-семантичне поле «смерть». До того ж в тексті чимало фразеологізмів, які належать до простору смерті. Також виділені так звані «маркери» смерті, тобто їх функція – підготувати читача до трагічних подій за допомогою лексем з ознаками мортальності.

Друга категорія лексичних засобів дає додаткові відомості щодо простору смерті, але у прихованій формі. За допомогою лексем імпліцитної категорії автор-оповідач висловлює дві позиції: невизначеність за межами земного буття (досягається шляхом багаторазового використання неозначених займенників) та заперечення думки щодо абсолютної кінченості людського буття

(шляхом повної відмови від використання неступних лексем назавжди, вічний і т.п.). Експліцитні мовні засоби превалюють над імпліцитними.

Ключові слова: художня танатологія, лексичні засоби номінації, простір смерті, мотивний репертуар.

Аннотація

Ю.В. Коврига. Лексические средства номинации пространства смерти в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого».

Статья посвящена анализу лексических средств номинации пространства смерти в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Выделены две категории интересующих нас языковых средств: эксплицитные и имплицитные. Для лексем первой категории характерно явное, открыто выраженное название пространства смерти и всего, что с этим связано. Данная категория в романе представлена в виде семи лексико-семантических групп, формирующих лексико-семантическое поле «смерть». В тексте романа немало фразеологизмов, относящихся к пространству смерти. В произведении выделены так называемые «маркеры» смерти. Их функция – заранее подготовить читателя к трагическим событиям посредством употребления лексем с признаками мортальности.

Вторая категория лексических средств дает дополнительные сведения о пространстве смерти. С помощью этих лексем автор-повествователь выражает две позиции: неопределенность за гранью земного бытия (достигается посредством многочисленного употребления неопределенных местоимений) и отрицание мысли абсолютной конечности человеческого бытия (путем полного отказа от употребления следующих лексем навсегда, навсегда, вечный и т.п.). Эксплицитные языковые средства преобладают над имплицитными.

Ключевые слова: художественная танатология, лексические средства номинации, пространство смерти, мотивный репертуар.

Summary

Y.V. Kovriga. Lexical Means of Death Space Nomination in L.Ulitskaya's Novel «Case of Cucotsky».

This article is devoted to the lexical means analysis of death space nomination in Ludmila Ulitskaya's novel «Case of Kukotsky». During the research two lexical means categories were distinguished: explicit and implicit. The first category of lexemes is characterized by obvious, openly expressed death space nomi-

nation and all that is connected with it. In the novel this category is presented in the form of seven lexical-semantic groups, forming the lexical-semantic field «death». There are a lot of idioms in the novel that refer to the death space. Death «markers» were pointed out in the work. Their function is to prepare the reader to the tragic events in advance by means of lexemes usage with mortal features.

As for the second lexical means category, they provide us additional information about the death space, but in covertly form. With the help of implicit category lexemes the author of the novel expresses two positions: 1) vagueness beyond the earthly existence (achieved through the numerous usage of indefinite pronouns); 2) negation of idea about absolute completion of human existence (by a complete rejection of the following lexemes: forever, for keeps, eternal etc.). Explicit language means prevail over implicit ones.

Keywords: art thanatology, lexical means of nomination, death space, motivic repertory.

Інформація про автора

Коврига Юлія Володимирівна – ORCID: 0000-0002-6674-6599; аспірантка кафедри російської та світової літератури ХНПУ імені Г.С. Сковороди; викладач іноземної мови Харківського національного фармацевтичного університету; вул. Пушкінська, 53, м. Харків, 61002, Україна